

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.565

EDN: DTWGKR

doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОЙ ЮСТИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ольга Валентиновна Романовская¹, Екатерина Андреевна Романовская²

^{1, 2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹pgu-gpd@yandex.ru

²up406@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровизация, выступая универсальным трендом современных преобразований в обществе, затрагивает также вопросы организации и деятельности судебной власти. Основная концепция реформ выстраивается вокруг понятия «Цифровая юстиция». Одновременно предлагается создавать «электронное правосудие». Планируемые изменения затрагивают базовые правовые институты, что актуализирует поиск границ внедрения цифровых технологий в процесс осуществления властной деятельности. Основная цель – определить правовой режим цифровой юстиции, обозначить ключевые проблемы, возникающие в силу внедрения данной концепции. Задачи работы заключались в исследовании понятия цифровой юстиции, смежных категорий, выделении направлений реформационной деятельности. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу исследования составили российские и зарубежные доктринальные источники, аналитические отчеты. Особое внимание уделено опыту Китайской Народной Республики по внедрению информационно-коммуникационных технологий в практику судебных органов (концепция «Умный суд»). *Результаты.* Указано, что «Цифровая юстиция» – масштабный проект, направленный на значимые преобразования в организации и деятельности судебных органов, а также иных органов, обеспечивающих правосудие, обусловленные внедрением цифровых технологий. Проведена сравнительная характеристика с понятием «электронное правосудие». Представлен зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в деятельность судебных органов (в качестве примеров взяты Республика Казахстан и Китайская Народная Республика). Проанализирована возможность их внедрения в практическую деятельность цифрового судьи. *Выводы.* Выявлено содержание специального термина «Цифровая юстиция», охватывающего собой весь цифровой сегмент (технологии управления, программы, алгоритмы, базы данных, а также саму технику, обеспечивающую функционирование информационно-коммуникационных технологий) внутри судебной власти. Это – цифровая экосистема российских судов. Показано, что наиболее острые общественные дискуссии в современном мире вызывает возможность использования искусственного интеллекта в публичной сфере.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая юстиция, электронное правосудие, цифровой судья, искусственный интеллект, умный суд, КНР

Для цитирования: Романовская О. В., Романовская Е. А. Правовой режим цифровой юстиции: проблемы и перспективы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 1. С. 21–31. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-1-3 EDN: DTWGKR

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

LEGAL REGIME OF DIGITAL JUSTICE: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Olga V. Romanovskaya¹, Ekaterina A. Romanovskaya²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹pgu-gpd@yandex.ru

²up406@mail.ru

Abstract. *Background.* Being a universal trend of modern transformations in society, digitalization also affects the organization and activity of the judiciary. The main idea of reform is built around the concept of “Digital Justice”. Simultaneously, it is proposed to create “Electronic Filing”. The planned changes affect basic legal institutions, which actualizes the search for the boundaries of introducing digital technologies in the process of exercising power. The main goal is to determine the legal regime of digital justice and to identify the key problems that arise due to the implementation of this concept. The objectives of the study are to examine the concept of digital justice, related categories, and to highlight the areas of reform. *Materials and methods.* The empirical basis of the study consists of the Russian and foreign doctrinal sources and analytical reports. Particular attention is paid to the practices of the People’s Republic of China in introducing information and communication technologies into the judiciary (the concept of “Smart Court”). *Results.* The article indicates that the concept of “Digital Justice” is a large-scale project aimed at significant transformations in the organization and activity of the judiciary, as well as other bodies delivering justice, due to the introduction of digital technologies. A comparative description with the concept of “Electronic Filing” is carried out. Foreign practices in introducing digital technologies into the activity of the judiciary are presented (the Republic of Kazakhstan and the People’s Republic of China are taken as examples). The possibility of introducing a digital judge into practical activity is analyzed. *Conclusions.* The content of the concept of “Digital Justice” is identified, covering the entire digital segment (control technologies, software solutions, algorithms, databases, as well as hardware that ensures the functioning of information and communication technologies) within the judiciary. This is the digital ecosystem of Russian courts. The article shows that the most heated public discussions in the modern world are caused by the possibility of using artificial intelligence in the public sphere.

Keywords: digitalization, digital justice, e-justice, digital judge, artificial intelligence, smart court, People’s Republic of China

For citation: Romanovskaya O.V., Romanovskaya E.A. Legal Regime of Digital Justice: Problems and Perspectives. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(1):21–31. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2024-12-1-3

Использование цифровых технологий осуществляется во всех органах власти – судебная система не является исключением. В течение непродолжительного времени приняты основополагающие правовые акты, которые определяют порядок использования указанных технологий в деятельности судов и их аппаратов. Так, правила размещения значительного объема информации в сети Интернет определены Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», в соответствии с которым обеспечивается принцип открытости судебной власти. Одновременно максимальная доступность текста судебных решений способствует

унификации судебной практики, повышению правовой грамотности населения, общественному контролю.

Массовое распространение цифровых устройств, стремительный прогресс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), влияние цифровизации на формы взаимодействия внутри государственного аппарата – указанные обстоятельства во всем мире обусловили появление специального термина «Цифровая юстиция» (Digital Justice). Его содержание охватывает весь цифровой сегмент (технологии управления, программы, алгоритмы, базы данных, а также саму технику, обеспечивающую функционирование ИКТ) внутри судебной власти. Иными словами, это вся цифровая логистика третьей ветви власти (или, как сейчас модно говорить, цифровая экосистема российских судов).

Универсальность цифровизации позволяет соотнести понятие «Цифровая юстиция» с информационным обществом, что представлено в научной юридической литературе. Благодаря этому начало цифровизации судебной системы нередко рассматривается в контексте Концепции информационной политики судебной системы, утвержденной Постановлением Совета судей РФ от 16 ноября 2001 г. № 60. В этом документе основной посыл заключался в создании веб-сайтов каждого судебного органа и обеспечении информационной открытости во взаимодействии со средствами массовой информации. Стремительный прогресс показал, что данные цели носят в основном статический характер, они не предполагают динамику во взаимоотношениях суда и иных участников. С учетом достижений в области ИКТ Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. была одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. Необходимо отметить, что этот документ не отменяет предыдущую Концепцию, есть прямое указание, что он ее дополняет. Основное предназначение Концепции – определение информационной политики судебных органов и их информационное обеспечение. Даже беглое прочтение Концепции показывает, что сфера информационного обеспечения серьезным образом расширилась (по сравнению с 2001 г.). Так, обращается внимание на такие аспекты, как облачное хранение судебной документации, государственные автоматизированные системы, единое информационное пространство, приобретение служащими аппарата специальных навыков, кибербезопасность и др.

Определенным этапом в развитии цифровизации судебной власти следует считать создание Государственной автоматизированной информационной системы «Правосудие», главная задача которой – это создание единого информационного пространства. Точкой отсчета можно считать 20 ноября 2001 г., когда Постановлением Правительства Российской Федерации № 805 была утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг. В настоящее время функционирование ГАС «Правосудие» осуществляется в штатном режиме, сформирована вся правовая база для эффективного взаимодействия в ней для всех возможных субъектов. В основном все нормативные акты утверждены Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» закрепил возможность оборота документов в электронной форме в уголовном, арбитражном, гражданском судопроизводстве [1]. Ключевым подтверждением достоверности выступает подписание документа электронной подписью. Оперативно было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Принятие данного Закона оценивается как условие для формирования обновленной правовой базы электронного правосудия, где следующий шаг – внедрение в судопроизводство электронного дела [2].

В начале 2020 г. введение карантинных мер в результате распространения коронавирусной инфекции ускорило распространение коммуникаций в электронном режиме. Это коснулось также и судебной системы. В противном случае режим самоизоляции, который был установлен на достаточно продолжительное время, парализовал бы деятельность всех

судебных органов. В экстренном порядке было принято Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах», согласно которому подача обращений в судебные органы осуществлялась с помощью либо почтовых, либо электронных отправок. Судам было рекомендовано использовать технологии веб-конференции для проведения судебных заседаний. Позже было направлено Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 7 мая 2020 г. № СД-АГ/667 «О деятельности судов и органов Судебного департамента в полном объеме с 12 мая 2020 года». Таким образом, коронавирусная инфекция стала катализатором цифровизации судебной власти, что одновременно стало давать и иные положительные эффекты: повышение эффективности судебной деятельности, оптимизация расходов на правосудие (и просто экономия ресурсов), ускорение рассмотрения судебных дел.

Следует отметить, что многие аспекты цифровизации были внедрены и до пандемии, но они в большей мере рассматривались как экстраординарные моменты. Мир офлайн все-таки был преобладающим и не требовал постоянной подмены киберпространством. В то же время активизация всех процессов привела к тому, что «Цифровая юстиция» получила свое расширительное толкование, распространив свое влияние практически на все стороны цифрового взаимодействия как внутри судебной власти, так и в отношении с иными участниками (обеспечивающими правосудие или способствующими выполнению его задач). Это означает, что «Цифровая юстиция» стала охватывать следующие сферы:

- государственную информационную систему «Правосудие»;
- электронный документооборот в органах судебной власти;
- электронное судебное дело (включая оцифровку судебного архива);
- электронное хранение документов (что поднимает проблему создания облачных хранилищ и специализированных дата-центров);
- электронное взаимодействие с иными органами власти – Следственным комитетом РФ, Генеральной прокуратурой РФ, Министерством юстиции, Федеральной службой исполнения наказаний, Федеральной службой судебных приставов (в этот круг входят и все подчиненные им органы);
- наличие современных систем криптозащиты, программного оборудования и самого «железа» (как образно определяют ИТ-специалисты компьютерные системы и всю обеспечивающую инфраструктуру);
- создание электронных архивов и библиотек.

Сразу отметим, что приведенный перечень не является исчерпывающим.

Итогом проводимой работы с учетом нарабатанного опыта судебной деятельности в условиях пандемийных ограничений стал Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес значимые изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ. Ключевые изменения касались возможности подачи заявлений в электронном виде, рассмотрения дела с помощью веб-конференции, надлежащей аутентификации лица в онлайн-пространстве, формирования электронного дела, введения электронного документооборота. Следствием принятия Закона стало создание цифровой платформы суперсервиса «Правосудие онлайн»¹. Это – цифровая площадка взаимодействия, от правильного функционирования которой зависит реализация задач правосудия, а также право каждого на судебную защиту. В то же время в научной литературе отмечается необходимость закрепления правового режима суперсервиса. Е. В. Бурдина подчеркивает: «В настоящее время не имеют правового регулирования организационные вопросы, связанные с предназначением, задачами использования судебной цифровой платформы, с администрированием ею». При этом автор предлагает закрепление режима в правовом акте о судостроительстве [3].

¹ Правосудие онлайн – Электронное правосудие в России : сайт. URL: <https://pravosudieonline.ru/> (дата обращения: 20.12.2023).

Основное предназначение Федерального закона № 440-ФЗ заключается в переводе на бездокументарное взаимодействие суда и участников процесса [4]. Хотя точнее указывать на внебумажное носительство представляемых документов.

Всеобщее распространение цифровых технологий обуславливает универсальность той проблематики, которая поднимается на международном уровне, а также в зарубежных исследованиях. Цифровизация государства рассматривается как одно из направлений Программы ООН по развитию (United Nations Development Programme – UNDP). На международном уровне чаще используется термин «e-justice», в национальных правовых актах – «Digital Justice». Перевод указанных терминов также различен. В первом случае – «электронное правосудие», во втором – «цифровая юстиция», хотя везде одно и то же основное слово «justice». Различие перевода влияет и на понимание дефиниций. E-justice рассматривается как основа использования электронных технологий в деятельности судов. Сфера «Digital Justice» выходит за пределы судопроизводства, охватывая также деятельность адвокатов, нотариусов, судебных исполнителей и др. Хотя различия в понимании двух терминов все больше уменьшаются, они зачастую используются как слова-синонимы.

Терминологические особенности включают определенные нюансы, которые в деталях несут различную смысловую нагрузку. Приведенный пример не единственный. В более общем аспекте неоднократно подчеркивается разделение цифровизации права и права цифровизации [5]. В первом случае могут возникать технологические проблемы оцифровки текста, перевода его в цифровой код, что потребует соблюдения определенных правил для сохранения совместимости данных и возможности их передачи и последующей обработки. Во втором необходимо определять перспективы юридического регулирования технологического процесса. Теоретически допустимые ограничения и запреты не всегда могут быть обеспечены операционными свойствами ИКТ.

В Казахстане система «Digital Justice» будет включать в себя различные сервисы, из которых в марте 2023 г. был запущен проект «Е-заң көмегі», предназначенный для автоматизации взаимодействия между адвокатами, юридическими консультантами и гражданами. Дополнительной функцией выступает возможность выставления оценки адвокатам (система обратной связи), что позволит формировать их рейтинг. «Е-заң көмегі» интегрирован с проектом Генеральной прокуратуры Казахстана «Е-Уголовное дело» (допускающим электронный формат расследования уголовных дел)¹.

Документ ПРООН, посвященный развитию электронного правосудия, представляет его в широком виде: «Электронное правосудие широко охватывает все виды цифровых технологий: от сложного управления делами или инновационных приложений до информационных технологий и использования онлайн-общения. Сюда входят инструменты и процессы, используемые профессионалами сектора правосудия, а также те, которые используются общественностью и средствами массовой информации. Инициативы в области электронного правосудия включают стратегии, (ре)инжиниринг процессов, автоматизацию, сбор данных, интеграцию систем, а также онлайн-разрешение споров, электронную подачу заявок, удаленный судебный процесс и технологии, используемые для оцифровки, хранения и предоставления доступа к юридическим документам, и доказательства. Приложения и инструменты прямой коммуникации и обмена сообщениями с пользователями, интегрированные в юридические информационные и образовательные проекты, также подпадают под действие электронного правосудия»².

Помимо указанных концепций в научной литературе с учетом развития искусственного интеллекта и повышения возможностей автоматической обработки информации все активнее обсуждается создание нового субъекта процессуальных отношений – цифрового судьи. К. Принс указывает на регулятивный потенциал судейского корпуса, который своими действиями должен

¹ Туркаев А. Что входит в портфель проектов Digital Justice // Курсив. 2023. № 10. 19 марта. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-03-19/chto-vhodit-v-portfel-proektov-digital-justice/> (дата обращения: 23.12.2023).

² e-Justice. Digital transformation to close the justice gap. UNDP 2022. URL: <https://www.undp.org/publications/e-justice-digital-transformation-close-justice-gap> (дата обращения: 23.12.2023).

активно внедрять цифровые технологии, тем самым косвенно призывая использовать технологические возможности вне их прямого разрешения законом [6]. Действительно, судья сам может использовать открытые технологии, включая, например, «Chat GPT» – чат-бот с генеративным искусственным интеллектом (ИИ), который позволяет формировать тексты, в том числе и судебных решений.

В то же время присутствует недопонимание роли ИИ в судебном процессе. Приведем характерную цитату: «Юристы в мечтах о роботе-судье, следуя тренду, априори считают, что это будет непременно искусственный интеллект. А потому пассивно ждут его пришествия из рук программистов, которые без них создадут самообучаемые алгоритмы для работы юристов. Программисты не знают и не обязаны знать систему права, систему законодательства и соотношение ее с другими формами права в конкретной правовой системе, стадии правоприменительного процесса, структуру норм права, процессы определения обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по делу, преодоления в деле споров о толковании права, о коллизиях норм права и о пробелах в праве» [7]. Попробуем разобраться в складывающейся ситуации.

Использование ИИ при осуществлении правосудия может происходить в двух формах, которые различаются в зависимости от применения слабого или сильного искусственного интеллекта. Слабый ИИ – пассивный помощник человека, который путем обработки оцифрованных документов может упрощать его работу. Например, при подаче искового заявления он может провести первичную оценку его допустимости, указав на отсутствие необходимых документов. Генерируя вывод, ИИ не принимает решения – последнее слово остается за судьей. В этой части нет необходимости изменения законодательства. Уместно сравнение: не требуется же изменений закона для использования калькулятора при подсчете размера государственной пошлины. При этом подходе слабый ИИ может быть использован в рутинных делах, не требующих высоких интеллектуальных затрат, где рассмотрение дела основано на оценке комплектности представленных документов. В этом случае судебское усмотрение сведено к минимуму. В соответствии с этими обстоятельствами наибольшие перспективы ИИ видятся при вынесении решения о выдаче судебного приказа¹. Дополнительным аргументом выступает тот момент, что он может быть оспорен простым выражением несогласия с ним. Как раз в условиях включения процедуры судебного разбирательства к рассмотрению дела привлекается судья.

Сильный ИИ – цифровой суррогат судьи, уполномоченный на принятие каких-то решений – итоговых или промежуточных. Он уже представляет тот вывод, который фактически выступает решением органа государственной власти. Проверка человеком если и происходит, то уже после представления принятого решения. При таком подходе первичное значение приобретает оператор и разработчик программы, а не представитель судебной власти, роль которого может быть сведена к надзору за указанными лицами. Пересмотр электронных решений – экстраординарный случай.

Необходимо понимать, что ИИ не может работать вне наличия больших данных. Его решение – это обработка информации, ее интеллектуальный анализ и выработка аналогового решения на основе ранее принятых. При стабильном законодательстве, минимуме изменений в решении рутинных вопросов ИИ может выполнять функцию быстрого помощника, заметно ускоряющего правосудие. Это означает, что изменения законодательства приведут к формированию новой судебной практики. Только после ее формирования (причем в достаточном количестве) ИИ сможет ее обрабатывать и представлять интеллектуальный результат.

Кроме того, ИИ сможет выполнять свои функции только при оцифровке всей документации, которая направляется в адрес судебной инстанции. Таким образом, необходимо устанавливать обязательство каждого субъекта (участника процесса) по представлению документов в электронной форме либо вводить дополнительные должности в аппарате суда для

¹ Кашанин А. В., Козырева А. Б., Курносова Н. А., Малов Д. В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир: Аналитический доклад. Москва, 2020. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

выполнения функции оцифровки поступивших документов. При возложении обязанности на участника процесса тем самым усугубляется цифровая дискриминация: лица, не владеющие соответствующими навыками или не имеющие специальных гаджетов, практически лишаются доступа к правосудию. Подобный результат является недопустимым, поскольку нарушает конституционные принципы судопроизводства, базовые начала правового статуса человека и гражданина.

Человеческие коммуникации всегда выступают элементом судебного разбирательства. В этом кроются определенные риски, которые постоянно озвучиваются в научной литературе: возможность коррупции, предубеждения, профессиональные стереотипы, элементарная человеческая усталость. Их перечень большой, но при внедрении сильного ИИ риски предстают в иной плоскости: подчинение человека математическому алгоритму, машине. Если в первом случае риски (при всей их остроте и вечности решения) могут минимизироваться (при правильно настроенной правотворческой и правоприменительной политике), то во втором создают суррогат межличностного взаимодействия, заранее определяя, что «человеческий фактор» несет в себе потенциальный вред. При таком подходе следующий шаг – исключение самого человека из процесса принятия решения. Правосудие превращается в соревнование машин, где человек со своей судьбой – пассивный наблюдатель и лишь объект цифрового воздействия.

В российской юридической науке нет единства мнений по поводу использования ИИ в процессе разрешения споров. Нередки восторженные тезисы о появлении беспристрастного судьи, лишённого каких-либо эмоций и переживаний, осуществляющего правосудие в максимально быстрые сроки [8, с. 39]. Некоторые авторы высказываются осторожнее, настаивая на вторичности ИИ по отношению к самому судье [9].

На этом фоне предлагается новый концепт – «прогностическое правосудие» [10], который за рубежом развивается по двум направлениям: 1) элемент досудебной оценки перспектив спора; 2) прогностическое профилирование спора (распространяется на уголовное судопроизводство). При первом подходе ИИ используется в институте медиации, когда стороны могут, не обращаясь в суд, оценить перспективы своего будущего судебного дела [11, 12]. Это поможет снизить нагрузку на суды, так как на этом этапе возможно разрешение конфликта. Такое направление следует приветствовать. При втором подходе уже сейчас высказываются опасения о предубеждении при рассмотрении судебного дела. Искусственный интеллект предопределил исход, отказаться от которого человеку будет уже сложно. Это приведет к системным нарушениям базовых прав и свобод. В рамках уголовного преследования ставится под сомнение принцип презумпции невиновности¹. Сами же цифровые технологии рассматриваются как гибридная угроза системе прав человека [13].

Нередко в качестве положительного опыта предлагается модель Китайской Народной Республики «Smart Court» («Zhi Hui Fa Yuan» Чжи Хуэй Фа Юань – Умный суд)². Ее создание было определено в Пятилетнем плане развития строительства информатизации (2016–2020 гг.), в рамках которого выделена программа «Информатизация народных судов 3.0». Основные мероприятия начались в 2017 г. «Умный суд» – термин, который не применим к конкретному суду, это форма организации и деятельности, где каждая судебная инстанция в полном объеме использует передовые информационные системы для функционирования в онлайн-пространстве. Это – тренд модернизации судебной системы Китая. В Официальном коммюнике Верховного народного суда КНР обозначено, что «Умный суд» – это создание сетевой, открытой и интеллектуальной информационной системы народного суда с возможностью онлайн-обработки всех услуг, определяющих элементы судебного процесса в соответствии с законом, а также предоставление комплексных услуг судьям, участникам судебного процесса³.

¹ Gallese C. Predictive Justice in Light of the New AI Act Proposal (September 29, 2022). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4286023 (дата обращения: 05.01.2024).

² Smart Court. URL: <https://english.court.gov.cn/smartcourts.html> (дата обращения: 05.01.2024).

³ Supreme People's Court, 'Opinions on Accelerating the Building of Smart Courts' (Judicial Document, 12 April 2017). URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/5dec527431cdc22b72163b49fc0284.html> (дата обращения: 05.01.2024).

Следует признать, что «Умный суд» как цель развития отличается своим системным подходом, а также комплексным охватом всей возникающей проблематики. Требования об инновациях в публичной сфере сопровождаются требованиями о развитии цифровой экономики (этот тренд характерен для многих стран мира [14]). Китай не отказывается от использования термина «услуга» при характеристике деятельности судебных органов.

Китай, продвигая концепт «Умного суда», одновременно развивал все иные аспекты современного информационного общества. Суд не рассматривался как автономный элемент, внедрение инноваций происходило одновременно с продвижением цифровой экономики, цифрового государственного управления. Это обусловило положительный результат во время коронавирусных ограничений. Судебная система Китая быстро адаптировалась к переводу основных коммуникаций в онлайн-пространство. Одновременно особое внимание уделяется кибербезопасности и защите персональных данных (введенных в ранг объектов государственной безопасности), правовая база которых постоянно совершенствуется [15].

Все решения, вынесенные судами на территории КНР (за исключением тех, доступ к тексту которых ограничен в силу закона), публикуются на интернет-платформе «China Judgments Online»¹ (имеет некоторые общие черты с российской ГАС «Правосудие»). Одновременно платформа – источник больших данных, а значит, основа функционирования ИИ. В Пекине была осуществлена апробация интеллектуального помощника «Мудрый судья», с использованием которого можно было формировать итоговое решение. Однако ИИ не выполнял функции судьи. Его основная задача – обеспечение судебного единообразия.

Несмотря на значительный прогресс, в КНР есть большое число противников широкого распространения ИИ в судебной системе. В научной литературе указывается, что повсеместное внедрение ИИ приведет к тому, что судьи начнут полагаться на итоговый вывод, подготовленный машиной, не утруждая себя перепроверкой мотивации и глубоким исследованием обстоятельств [16]. Отмечается также, что независимость суда будет подорвана программистами, разработчиками программного обеспечения, интернет-провайдерами и другими компаниями, обеспечивающими работу ИКТ [17]. Несет в себе определенные риски сама возможность вынесения судебного решения в автоматическом режиме (без прямого участия человека) [18]. Использование ИИ в судебной системе не снимает с повестки также и такие угрозы, как цифровое неравенство, нарушения конфиденциальности, кража данных [19].

Подведем итоги. Внедрение цифровых технологий в деятельность судебных органов обусловило появление специального термина «Цифровая юстиция», охватывающего собой весь цифровой сегмент (технологии управления, программы, алгоритмы, базы данных, а также саму технику, обеспечивающую функционирование ИКТ) внутри судебной власти. Это – цифровая экосистема российских судов. Термин «Е-правосудие» распространяется на электронные технологии при рассмотрении судебных дел, иными словами, носит более узкий характер, хотя в научной литературе иногда используется как синоним цифровой юстиции.

Наиболее острые общественные дискуссии в современном мире вызывает возможность использования ИИ в публичной сфере. Практика уже показывает, что его внедрение в процесс осуществления правосудия может происходить в двух формах, которые различаются в зависимости от использования его слабой или сильной разновидности. Слабый ИИ пока не нуждается в дополнительном правовом регулировании, выступая помощником (техническим средством) в деятельности судьи. Сильный ИИ приведет к появлению «цифрового судьи» – технического суррогата носителя власти. Внедрение сильного ИИ обуславливает появление существенных угроз, среди которых нивелирование достоинства человека, отражающегося в наличии основных прав и свобод.

Зарубежный опыт цифровизации правосудия указывает на наличие положительных результатов, появившихся в Китайской Народной Республике в результате внедрения системного подхода к инновациям. Общее направление совершенствования судебной системы обозначено как «Умный суд» – форма организации и деятельности, в которой каждая судебная

¹ China Judgments Online. URL: <https://wenshu.court.gov.cn/> (дата обращения: 05.01.2024).

инстанция в полном объеме использует передовые информационные системы для функционирования в онлайн-пространстве.

Список литературы

1. Солохин А. Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы // Закон. 2019. № 6. С. 193–208. EDN: [GIBEKY](#)
2. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 68–89. doi: [10.12737/jrl.2019.12.6](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.6) EDN: [PLUTRJ](#)
3. Бурдина Е. В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 49–53. doi: [10.18572/1812-3791-2022-10-49-53](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-10-49-53) EDN: [HNDGWM](#)
4. Галиакберов А. Ф., Хисамов А. Х., Хафизова Л. Р. Развитие судебной системы в условиях цифровой модернизации // Российский судья. 2021. № 5. С. 34–36. doi: [10.18572/1812-3791-2021-5-34-36](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-5-34-36) EDN: [JQFFFY](#)
5. Oster J. Code is code and law is law – the law of digitalization and the digitalization of law // International Journal of Law and Information Technology. 2021. Vol. 29, № 2. P. 101–117. doi: [10.1093/ijlit/eaab004](https://doi.org/10.1093/ijlit/eaab004)
6. Prins C. Digital justice // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34, № 4. P. 920–923. doi: [10.1016/j.clsr.2018.05.024](https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.05.024)
7. Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 462–487. doi: [10.17072/1995-4190-2021-53-462-487](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-462-487) EDN: [YVVVWE](#)
8. Курочкин С. А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 37–42. doi: [10.18572/1812-383X-2023-1-37-42](https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-1-37-42) EDN: [KONGNM](#)
9. Морхат П. М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8–12. EDN: [UVMIRQ](#)
10. Кабацкая Е. А. Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. № 10. С. 51–55. doi: [10.18572/1812-3791-2023-10-51-55](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-10-51-55) EDN: [ZOSNWC](#)
11. Buat-Ménard É. La justice dite «prédictive»: prérequis, risques et attentes – l'expérience française // Les Cahiers de la Justice. 2019. Vol. 2, № 2. P. 269–276. doi: [10.3917/cdlj.1902.0269](https://doi.org/10.3917/cdlj.1902.0269)
12. Rouvière F. La justice prédictive : peut-on réduire le droit en algorithmes ? // Pouvoirs. 2021. Vol. 178, № 3. P. 97–107. doi: [10.3917/pouv.178.0097](https://doi.org/10.3917/pouv.178.0097)
13. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы : монография / Н. Н. Аверьянова, Д. С. Велиева, Е. А. Капитонова [и др.]. М. : Проспект, 2021. 152 с. EDN: [QPDDNB](#)
14. Экономическое право : учебник / Н. Бондарь, Р. Амелин, Д. Артемова, Д. Велиева [и др.] ; под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021. 352 с. doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352) EDN: [IYMONQ](#)
15. Романовский В. Г., Абубекерова Д. А. Права человека, кибербезопасность, борьба с терроризмом (опыт Китая) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 3 (35). С. 57–67. doi: [10.21685/2307-9525-2021-9-3-6](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-6) EDN: [PGIKQC](#)
16. Re R., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 242. Public Law Research Paper № 19–16. P. 242–289. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3390854
17. Chen B. M., Li Z. How will Technology change the Face of Chinese Justice? // Columbia Journal of Asian Law. 2020. Vol. 34, № 1. P. 1–58. doi: [10.7916/cjal.v34i1.7484](https://doi.org/10.7916/cjal.v34i1.7484)
18. Papagiannas S., Junius N. Fairness and justice through automation in China's smart courts // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 51. Article 105897. doi: [10.1016/j.clsr.2023.105897](https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897)
19. Shi Ch., Sourdin T., Li B. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, № 1. Article 4. doi: [10.36745/ijca.367](https://doi.org/10.36745/ijca.367)

References

1. Solokhin A.E. Electronic Justice: Features, Problems and Prospects. *Zakon = Law*. 2019;(6): 193–208. (In Russ.)

2. Momotov V.V. Judicial Reform of 2018 in the Russian Federation: Concept, Goals, Content. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(12):68–89. (In Russ.). doi: [10.12737/jrl.2019.12.6](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.6)
3. Burdina E.V. Digital Access to Court in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation. *Rossiyskiy sudya = Russian Judge*. 2022;(10):49–53. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3791-2022-10-49-53](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2022-10-49-53)
4. Galiakberov A.F., Khisamov A.Kh., Khafizova L.R. Development of the Judicial System in the Context of Digital Modernization. *Rossiyskiy sudya = Russian Judge*. 2021;(5):34–36. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3791-2021-5-34-36](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-5-34-36)
5. Oster J. Code is code and law is law – the law of digitalization and the digitalization of law. *International Journal of Law and Information Technology*. 2021;29(2):101–117. doi: [10.1093/ijlit/eaab004](https://doi.org/10.1093/ijlit/eaab004)
6. Prins S. Digital justice. *Computer Law & Security Review*. 2018;34(4):920–923. doi: [10.1016/j.clsr.2018.05.024](https://doi.org/10.1016/j.clsr.2018.05.024)
7. Polyakov S.B., Gilev I.A. Subject Area of Informatization of Judicial Decisions. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2021;(53):462–487. (In Russ.). doi: [10.17072/1995-4190-2021-53-462-487](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-462-487)
8. Kurochkin S.A. On the Prospects for Using Artificial Intelligence in Civil and Arbitration Proceedings. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess = Arbitration and Civil Process*. 2023;(2):37–42. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-383X-2023-1-37-42](https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-1-37-42)
9. Morkhat P.M. Possibilities, Features and Conditions for Using Artificial Intelligence in Legal Practice. *Administrator suda = Court Administrator*. 2018;(2):8–12. (In Russ.)
10. Kabatskaya E.A. Use of Artificial Intelligence as a Means of Optimizing Judicial Activity. *Rossiyskiy sudya = Russian Judge*. 2023;(10):51–55. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3791-2023-10-51-55](https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-10-51-55)
11. Buat-Ménard É. La justice dite «prédictive»: prérequis, risques et attentes – l'expérience française. *Les Cahiers de la Justice*. 2019;2(2):269–276. doi: [10.3917/cdlj.1902.0269](https://doi.org/10.3917/cdlj.1902.0269)
12. Rouvière F. La justice prédictive: peut-on réduire le droit en algorithmes? *Pouvoirs*. 2021;178(3):97–107. doi: [10.3917/pouv.178.0097](https://doi.org/10.3917/pouv.178.0097)
13. Averyanova N.N., Velieva D.S., Kapitonova E.A. et al. *Prava cheloveka i bezopasnost v sovremennom mire: gibridnye ugrozy i novye vyzovy: monografiya = Human Rights and Security in the Modern World: Hybrid Threats and New Challenges: Monograph*. Moscow: Prospekt, 2021:152. (In Russ.)
14. Bondar N., Amelin R., Artemova D., Velieva D. et al. *Ekonomicheskoe pravo: uchebnik = Economic Law: Textbook*. Moscow: Prospekt, 2021:352. (In Russ.). doi: [10.31085/9785392336791-2021-352](https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352)
15. Romanovskiy V.G., Abubekerova D.A. Human Rights, Cybersecurity, Fight against Terrorism (Practices in China). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Наука. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(3):57–67. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2021-9-3-6](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-3-6)
16. Re R., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice. *Stanford Technology Law Review*. 2019;242(Public Law Research Paper 19–16):242–289. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3390854
17. Chen V.M., Li Z. How will Technology change the Face of Chinese Justice? *Columbia Journal of Asian Law*. 2020;34(1):1–58. doi: [10.7916/cjal.v34i1.7484](https://doi.org/10.7916/cjal.v34i1.7484)
18. Papagiannas S., Junius N. Fairness and justice through automation in China's smart courts. *Computer Law & Security Review*. 2023;51:Article 105897. doi: [10.1016/j.clsr.2023.105897](https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897)
19. Shi Ch., Sourdin T., Li B. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? *International Journal for Court Administration*. 2021;12(1):Article 4. doi: [10.36745/ijca.367](https://doi.org/10.36745/ijca.367)

Информация об авторах / Information about the authors

О. В. Романовская – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Е. А. Романовская – преподаватель кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

O V. Romanovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

E.A. Romanovskaya – Lecturer of the Department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 10.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.02.2024

Принята к публикации / Accepted 28.02.2024